

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 101.1:316

Е. Ф. Казаков, А. А. Овчаров

ЦИКЛИЧНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

В статье рассматривается абстрактная модель социальных циклов мышления. Опыт данной рефлексии построен на основе интуитивистского подхода в современной русской социальной философии и призван служить более точному пониманию социальных закономерностей.

Ключевые слова: абстрактная модель, социальное бытие, социальные циклы мышления, интуитивизм, органическое целое, уровень бытия, субъект социальной деятельности, субстанциальный деятель.

E. F. Kazakov, A. A. Ovcharov

CYCLICITY OF SOCIAL THINKING

The article deals with an abstract model of social cycles of thinking. The experience of this reflection is based on intuitivistic campaign in modern russian social philosophy and aims to provide a more precise understanding of social relationships.

Keywords: abstract model, social being, intuitivism, social cycles of thinking, organic whole, level of being, social actor, substantival figure.

Постижение процесса социального мышления на основе интуитивистского подхода позволяет предложить *абстрактную модель цикличности социального мышления*. Таким может выступать любой ситуационный момент социального становления, располагающий известной «рамочной» завершенностью. Конкретно, это могут быть феномены «социально-экономической формации», «культуры», «цивилизации», «этногенеза» etc.

Если «клеточкой» социального процесса может быть действительное изменение в бытии общества, которое отображается различными выборками восприятия в разнообразных социальных теориях, то для интуитивизма формой данной «клеточки», отправным модусом генезиса истории как становления социальной системы является рефлексия. На этой основе оказывается воз-

можным выделить следующие стадии динамики онтологии общества внутри возможного исторического цикла, где последним оказывается некоторый завершенный процесс полагания рефлексии в практике субъектов социальной деятельности.

Вначале происходит инициация очередного исторического цикла отчуждением отдельных субъектов от наличного бытия. Вызывается оно экзистенциальной невозможностью прежнего образа жизни и деятельности, исчерпанностью предыдущего содержания нормативных идей, необходимостью во внесении новых ситуаций в биографии, а также предельной энтропией, угасанием идеальных проекций в феноменальном социальном мире.

Иными словами, прежний цикл развития сознания исчерпывается. Идеи эпохи (напри-

мер, идеи античной культуры в начале нашей эры) высказываются, их реализация завершается редукцией идеального и полным господством материального начала. Доминирует каузальность субстрата изменений, вследствие чего возникает насущная потребность в рефлексии и последующей обновленной деятельности по трансцендированию новых социальных смыслов в действительность.

Иначе говоря, возникают новые темы деятельности. Нередко начинается эскапизм, ситуация «бегства» от действительности, описанная Э. Фроммом [1, с. 94–114]. В этом случае разум и чувства людей протестуют против невыносимого и ставшего чуждым и «постылым» положения.

Повсеместно в обществе возникают всевозможные проекты лучшего, достойного и благого бытия. Критически настроенная интеллигенция низвергает ранее провозглашенные общественные идеалы («идеологии», по К. Манхейму, факты традиции, по Е. Шацкому). Они суть религия, официальные политические доктрины, мирозерцание господствующих слоев общества, а также мифология обыденного мышления. На их место критическая мысль ставит идеалы должного бытия, как прагматистские, так и перфекционистские.

Данное время является эпохой зарождения социальных конфликтов и катаклизмов и может быть определено в качестве стадии негативной перцепции. При этом необходимо указать на несводимость социальных идеалов к однозначной типологии. Их содержание составляет все содержание формальных социальных идей как идеального социального бытия и соответствует всему историческому бытию человечества. Ибо любое историческое событие содержит в себе признаки должного бытия, так как оно произошло в деятельности по утверждению конкретной деонтологии, или желаемых ценностей. Результаты же могут быть востребованы в

иное время; например, опыт античной политической жизни послужил образцом для подражания в эпоху Великой французской революции – «фригийские колпаки» якобинцев, символизирующие обретение свободы, «консульство» и «империя» Наполеона Бонапарта etc.

Интенциональность (проще, стремление) к должному бытию вследствие этого *утопична*, ибо выражает, представляет актуально не-сущее, и в плане конкретизации типов утопических абстракций целесообразно привести подразделение утопической мысли, осуществленное Э. Я. Баталовым. Он выделяет три типологических уровня утопизма. (а) *Литературную и социально-теоретическую утопию*, создаваемую «усилиями писателей, философов, – словом, деятелей культуры». (б) *Народную утопию* – «представления масс, точнее говоря, – трудящихся классов, – о желаемом социальном мире, их мечты и надежды – мудрые и наивные, глубокие и поверхностные – на создание здесь, на земле, иного, лучшего мира». Особенность данного типа утопизма, или стремления к должному бытию, по Э. Я. Баталову, состоит в том, что «она создается самим народом, то есть непрофессионалами из трудящихся классов, имена которых остаются зачастую неизвестными, и воплощается в фольклоре, лозунгах и программах, стихийно рождающихся в повседневной жизни и, особенно, в массовых движениях». (в) *Официальную утопию*, «под которой понимается совокупность социально-утопических идей, лозунгов, проектов, программ, провозглашаемых официальной инстанцией (в лице государства, партии...) в качестве национальных идеалов и целей» [2, с. 75–76].

Таким образом, в порождении утопических представлений, в негативной перцепции intersubъективность движется к снятию личного бытия. На общесоциальном уровне это означает, что при сохранении существующей

щей реальности появляется стремление к ее изменению. Это рефлектирующее отрицание создает почву, предлог для дальнейшего движения сознания. При этом необходимо отметить, что в негативной перцепции происходит зарождение социальной критики и утопизма. Полное их раскрытие происходит дальше.

После утверждения негативной перцепции в значительной части общества, вновь возникшие ценностные установки нуждаются в предельно-развернутом апологетическом и концептуально-понятийном оформлении и проработке. Это время теоретиков социальных преобразований: от Платона, Аристотеля и Цицерона до Т. Мора, Ш. Монтескье, Ш. Фурье и К. Маркса и др. Страждущее иного бытия общество или конкретная социальная группа получает рациональную программу деятельности. На этом этапе цикла социального становления отрицательное рефлектирование переходит в положительное, создавая условия для конкретизации возможных реконструктивных действий. Это суть *стадия негативистско-конструктивистской рефлексии*.

Дальнейшее становление возможного цикла истории происходит в форме радикализации и «революционирования» значительных социальных слоев общества. Социальная система обретает материальную основу для трансформации. Если предварительно социальные изменения происходили на уровне идеального бытия в рефлексии сознания, то теперь конститутивная социальная деятельность (как творчество идеального) переходит в конструктивную, в *феноменальный генезис* или порождение новых материальных социальных объектов, а также в установление отношений между ними (утверждающееся в ходе революции новое государство как система взаимосвязей между перекомбинированными субъектами социальной деятельности). Деонтологическая интенциональность, как перфекционистская, так и прагматистская,

начинает доминировать над ценностями традиции или актуалистского сознания.

Последние обесцениваются именно в силу того, что теряют актуальность, перестают быть жизненно востребованными со стороны большого числа субъектов социальной деятельности. Отвергая старое бытие, общество желает перемен, оно практически стремится к ним. Ход событий движется в смысле практического снятия старого, отвержения традиции культуры, мышления, экономики и т. п. Зачастую развитие в плане материального снятия вызывает в эмпирической системе общества разрывы, нарастая, они, приводят к «обвалу» как социальных институтов, так и их носителей – конкретных субъектов. Вот поэтому периоды революции – это времена радикализации социального насилия, приобретения «деконструктивными», разрушительными силами и тенденциями крупномасштабных размеров.

«Деконструкция» (если воспользоваться в этом случае не совсем уместным, но образным термином постструктурализма Ж. Деррида) в материальном снятии есть *возведение социального хаоса в масштаб народных бедствий*. В эту эпоху обостряется экзистенциальное переживание окружающего бытия. Субъекты оказываются в «пограничной ситуации» девальвации или, наоборот, усиления ценности собственного эмпирического существования и своих нормативных идей. Это время выбора новых стратегий индивидуальных и коллективных практик, сопряженных с массовыми «аффектами», как сознания, так и массовой психологии. Это и есть историческое состояние рефлексии как негативно-конструктивистской аффектации.

Наконец, *кульминация социального кризиса*, максимум цикла становления. Онтологический образ ситуации передан у А. Камю в ситуации «метафизического бунта». Это состояние социального бытия выглядит как «восстание человека против своего удела и

против всего мироздания. Этот бунт метафизичен, поскольку оспаривает конечные цели человека и вселенной... Если люди не могут сослаться на ценность, признаваемую всеми и каждым, тогда человек человеку не понятен. Восставший требует, чтобы ценность была недвусмысленно признана в нем самом... Бунтарский порыв возникает у него как требование ясности и единства. Самый заурядный бунт парадоксальным образом выражает стремление к порядку» [3, с. 135]. В «метафизическом бунте» представлена историческая ситуация *социальной революции*. В самом деле, с одной стороны, здесь есть хорошо известная со времени диалектического и исторического материализма *диалектика отрицания отрицания*. Старое отвергается, беспорядок сменяет порядок, но для того, чтобы восстановить ранее утраченный покой. С другой стороны, противоречия революции знаменуют собой специфику социального конфликта.

Изменения в любом *цикле истории* происходят в силу того, что старая социальная реальность «выдыхается», ее ценности девальвируются в сознании интерсубъективности, ее материальный багаж оказывается ярмом, отягчающим жизнь и уравновешенную деятельность больших социальных групп. Однако «бунт» не только состоит в разрыве социальной системы, его главная задача состоит в обновлении последней. *Интенция к должному бытию*, за редким частным исключением (поступки маниакальных субъектов), не выражена в однозначной, а тем более в абсолютной *нигилистической деятельности*, «деконструкции». *Разрушение суть инструментарий для возведения инфраструктуры модифицированной системности социального бытия*.

Таким образом, в *революции* происходит снятие социально-исторической традиции и замена ее материализаций смыслов *интенциональности должного бытия*, то есть актуа-

лизацией последней. *Утопическое приобретает реальный шанс стать практическим*. В обществе в целом совершаются изменения, а конкретные субъекты получают возможность для реализации своих чаяний; утописты превращаются в социальных экспериментаторов. При этом необходимо различить степень реализуемости в интенциональности к должному бытию. Если *прагматистские* цели (например, смена администрации в учреждении) вполне реальны в совершенном исполнении, то *перфекционистские* задачи практически невыполнимы (например, построение общества абсолютного равенства). Иными словами, опыт утопического экспериментирования от реформ Эхнатона в Древнем Египте 11 тыс. до н. э. до российских революций XX века показывает, что все попытки «остановить время», как это пытался, в частности, сделать по наущению дьявола Фауст и отождествить текучесть материального или феноменального социального становления с формальными социальными идеями не удаются до сих пор. И хорошо.

Более того, это в принципе невозможно, так как идеальное и реальное бытие не отождествляемы сами по себе. В сознании субъектов возникают идеальные образы – это позволяет их конкретно-идеальная природа. В то же время феноменальный мир есть поле реализации материальных идей, которые являются концептуализацией субстрата изменений посредством известного «умаления» совершенства формальных идей. Таким образом, полного тождества реального бытия как вещи, ее материальной идеи и формальной идеи как трансцендентного образа нет, ибо иначе вся реальность имела бы чисто духовный характер.

Итак, социальное бытие во всех случаях остается становящимся, а не ставшим. Вследствие этого любого рода идеи должного бытия рано или поздно теряют свою со-

циальную значимость в качестве насущной жизненной необходимости и подвергаются отчуждению. *Плоды революции, в конечном итоге, постигает судьба снятой ранее социальной традиции (то есть актуализма прежнего наличного бытия).* Течение социального становления не щадит никого и ничего, хотя в силу диалектики отрицания отрицания оно зачастую «реанимирует» к действительности те или иные факты традиции (ситуации социальной реакции и т. п.). В результате данного циклического круговорота и последовательности снятий самих снятий социальное бытие постоянно воспроизводит себя в модифицированном виде. Так, например, сохраняется принцип социальной иерархии, эксплуатация человека человеком, при изменении «персонального» состава, и организации субъектов-участников указанных явлений. Итак, период, когда снятие предыдущего актуализма дано эмпирически, и есть *стадия актуализации должного бытия.*

На этой стадии возможного цикла истории в контексте динамики социального сознания субъекты стремятся к действительному воплощению формальных идей в феноменальном бытии. Эмпирически это дано в революционных опытах по идеальной организации народного труда (национализация частной собственности, коллективизация аграрного сектора в социалистических революциях, религиозное сектантство и т. п.). Идеальные смыслы трансцендируются в бытие стремлением к совершенному овеществлению, утверждая новые факторы бытия и снимая прежние.

Наконец, выделим «абсолютистский или метасистемно-редукционистский» нигилизм, который в потенции является интенцией к уничтожению всего человечества, разрушению основ общества как целого или даже к нигилированию природы. Мифосимволически данная интенциональность к отрицанию есть сатанизм, или «зло», взятое

в предельно абстрактном виде («вселенское», «мировое зло», крайняя мизантропия etc.).

Как уже говорилось, в определенных случаях нигилизм является необходимой стадией диалектики возможного цикла истории, без «деконструкций» не осуществлялось бы снятие, а без этого были бы невозможны как рефлексия, так и процессы овеществления и развеществления в феноменальном бытии; если бы все сохранялось, то не было бы условия для появления нового.

(е) *Стадия рефлексивного трансцензуса*

Предпоследней стадией возможного цикла истории является *трансцензус (переход, перетекание) деонтологических интенций рефлексии в актуалистские*, или переход утопии в идеологию. По себестождественности в формально-идеальном значении утопические и идеологические высказывания, равно как и интенциональность производящего их сознания, не имеют онтологической спецификации. Однако они различаются в историческом контексте. «Идеологии», актуалистские интенции социального сознания ориентируют интерсубъективность на существование социальной целостности в рамках сложившегося системного цикла и на основе выработанных, устоявшихся и воспроизводимых в течение известного временного промежутка *генетических связей* (то есть динамической причинности или каузальности, в том числе и материальной: «логика вещей» как диалектика социальных интересов).

Иными словами, в функциональном отношении переход или «трансцензус» деонтологических интенций в актуалистские суть «пост-утопическое» сознание. Социальная система достигает эйдетического завершения очередной цикличности, все возможно новое уже создано и начинается консервация социальных фактов в традицию или преемственность внутрициклических взаимодействий в социальной интерсубъективности и, соответственно, во всей онтологии общества.

Общество восстанавливается на обновленной основе. Исторически это время так называемой социальной реакции, когда словно из небытия возрождается атрибутика до-революционной эпохи; офицеры вместо командиров в РККА, министры вместо народных комиссаров или, напротив, буржуазный парламентаризм вместо советской системы управления и т. п. Выражаясь иначе, утопии из манифестов нигилизма, снятия прежде наличествующего бытия становятся идеологиями (в основе, без наиболее радикальных лозунгов, конкретно деструктивных в смысле практики) нового сложившегося общества.

(f) *Инерционная рефлексивная стадия*

Завершающим периодом возможного цикла истории в контексте динамики соци-

ального сознания является *инерционная стадия*. Интерсубъективность из дестабилизованного состояния переходит к устойчивой. Лишь частично в маргинальной разновидности в социальной системе имеют место нигилистические взгляды, являющиеся «зародышем» будущей критики (негативной перцепции) и в исторической перспективе служащие «затравкой» к очередному циклу истории. Данную стадию характеризуют процессы нарастающего социального отчуждения, «девальвации» социальных ценностей: иными словами, происходит постепенное старение наличного социального бытия и исчерпание возможностей конкретного цикла, в том числе и срока его исторического существования.

Литература

1. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. – М.: Прогресс, 1992.
2. Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. – М.: Наука, 1982.
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990.